

**Валерий Введенский,
Иван Погонин,
Николай Свечин**

Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции

Том 1

Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции

Николай Свечин

**Повседневная жизнь
петербургской сыскной полиции**

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2020

Свечин Н.

Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции
/ Н. Свечин — «Автор», «Автор», «Автор»,
2020 — (Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции)

«Мы – Николай Свечин, Валерий Введенский и Иван Погонин – авторы исторических детективов. Наши литературные герои расследуют преступления в Российской империи в конце XIX – начале XX века. И хотя по историческим меркам с тех пор прошло не так уж много времени, в жизни и быте людей, их психологии, поведении и представлениях произошли колоссальные изменения. И чтобы описать ту эпоху, не краснея потом перед знающими людьми, мы, прежде чем сесть за очередной рассказ или роман, изучаем источники: мемуары и дневники, газеты и журналы, справочники и отчеты, научные работы тех лет и беллетристику, архивные документы. Однако далеко не все известные нам сведения можно «упаковать» в формат беллетристического произведения. Поэтому до поры до времени множество интересных фактов оставалось в наших записных книжках. А потом появилась идея написать эту книгу: рассказать об истории Петербургской сыскной полиции, о том, как искали в прежние времена преступников в столице, о судьбах царских сыщиков и раскрытых ими делах...»

© Свечин Н., 2020

© Автор, 2020

© Автор, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	5
1. Сыск до создания сыскной полиции	8
1.1. Допетровская эпоха	8
1.2. Сыск при Петре I	10
1.3. Сыск в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны	13
Дело № 1. Сыщик и доноситель Ванька Каин	16
1.4. Реформа полиции при Екатерине II	19
Дело № 2. Эжен-Франсуа Видок и создание Сюртэ	20
1.5. Сыск в первой половине XIX века	23
Дело № 3. Следственный пристав Гаврило Яковлев	25
Дело № 4. Иван Липранди – русский ученик Видока	28
1.6. Карп Леонтьевич Шерстобитов (1795–1866)	35
Дело № 5. Чухонский принц	35
Дело № 6. Неутешный сын	39
Дело № 7. А.Ф. Кони «Сервиз посла»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46
Комментарии	

Валерий Введенский, Иван Погонин, Николай Свечин

Повседневная жизнь Петербургской сыскной полиции

Предисловие

Мы – Николай Свечин, Валерий Введенский и Иван Погонин – авторы исторических детективов. Наши литературные герои расследуют преступления в Российской империи в конце XIX – начале XX века. И хотя по историческим меркам с тех пор прошло не так уж много времени, в жизни и быте людей, их психологии, поведении и представлениях произошли колоссальные изменения. И чтобы описать ту эпоху, не краснея потом перед знающими людьми, мы, прежде чем сесть за очередной рассказ или роман, изучаем источники: мемуары и дневники, газеты и журналы, справочники и отчеты, научные работы тех лет и беллетристику, архивные документы. Однако далеко не все известные нам сведения можно «упаковать» в формат беллетристического произведения. Поэтому до поры до времени множество интересных фактов оставалось в наших записных книжках. А потом появилась идея написать эту книгу: рассказать об истории Петербургской сыскной полиции, о том, как искали в прежние времена преступников в столице, о судьбах царских сыщиков и раскрытых ими делах...

Разумеется, мы не первые, кто обратился к этой теме. Но труды наших предшественников посвящены всего лишь двум периодам деятельности Санкт-Петербургской сыскной полиции (далее – СПбСП) – когда ею руководили Иван Дмитриевич Путилин и Владимир Гаврилович Филиппов. Другие начальники Сыскной (Григорий Григорьевич Кирилов, Василий Иванович Назоров, Василий Адрианович Иванов, Платон Сергеевич Воцинин, Леонид Алексеевич Шереметевский, Михаил Флорович Чулицкий, Аркадий Аркадиевич Кирпичников) в этих работах или не упоминаются, или упоминаются вскользь. Нам же удалось собрать почти полные сведения о судьбах Л.А. Шереметевского, П.С. Воцинина и М.Ф. Чулицкого. Интересные, хотя и разрозненные сведения, мы собрали и об остальных руководителях Сыскной.

Многое удалось разузнать и про судьбы их помощников (заместителей) – Василия Васильевича Фурсова, Ивана Александровича Виноградова, Александра Петровича Силина, Сергея Ильича Инихова, Карла Петровича Маршалка, Мечислава Николаевича Кунцевича. Большой неожиданностью для нас было нахождение ранее неизвестных материалов про Аркадия Францевича Кошко, биография которого, казалось бы, хорошо изучена. К сожалению, мы очень мало выяснили как о первом помощнике начальника СПбСП Августе Ульриховиче Гейере, так и о последних – Александре Степановиче Левикове и Петре Михайловиче Игнатеве. И вынуждены признать, что про отставного капитана Николая Васильевича Титова, также служившего помощником, удалось разыскать лишь точные даты его вступления в должность и ухода в отставку.

Мы не стали перегружать книгу сведениями о рядовых чиновниках для поручений, ограничившись лишь краткой информацией о самом первом из них – Александре Александровиче Блоке, и развернутыми рассказами о начальнике Летучего отряда Леониде Константиновиче Петровском, и о Евгении Францевиче Мишуке, карьеру которого разрушило дело Бейлиса.

В научно-популярных книгах не принято ставить ссылки на источники, авторы обычно ограничиваются списком использованной литературы. Однако нам пришлось отойти от этого правила. На то имелась веская причина – многие материалы, известные авторам книги, специ-

алисты ещё не изучали. Очень надеюсь, что широкому кругу читателей ссылки не помешают, зато будущим исследователям они облегчат работу.

Авторы не ставили перед собой задачу подробно осветить историю сыска в России до создания Сыскной полиции, однако совсем обойтись без этого мы тоже не могли. Поэтому постарались тезисно, сокращенно-упрощенно рассказать и о Русской Правде, и о губных избах, о создании Петром Первым полиции и о её реформе в царствование Екатерины II и Александра I. Многие читатели удивятся, обнаружив в книге рассказ об Эжене Видоке и французской криминальной полиции Сюртэ. Тому имеется простое объяснение – Петербургская сыскная полиция была организована по её лекалам. И её созданию в конце 1866 года предшествовали попытки учредить службу, подобную Сюртэ, в 1822 и 1843 годах. Мы опишем причины, которые этому помешали, а также подробно расскажем о людях, занимавшихся сыском в те годы: Гавриле Яковлевиче Яковлеве, Иване Петровиче Липранди и Карпе Леонтьевиче Шерстобитове, под началом которого начинал свою карьеру Иван Путилин, первый начальник Петербургской сыскной.

Авторы старались как можно чаще «предоставлять слово» очевидцам – дореволюционным писателям, журналистам, чиновникам и начальникам Петербургской сыскной полиции. Однако после долгих раздумий и дискуссий мы решили не включать в книгу рассказы из воспоминаний И.Д. Путилина (за исключением некоторых цитат) и А.Ф. Кошко. Во-первых, они легко доступны – за последние тридцать лет были изданы несколько десятков раз, кроме того, выложены в интернете. Во-вторых, и та, и другая книги содержат ошибки и неточности, примеры которых приведём, рассказывая про убийства австрийского военного атташе и Марианны Тиме, и про преступления в Гусевом и Лештуковом переулках. Причины же неточностей обсудим в разделах, посвященных этим сыщикам.

Все даты до 1918 года указаны по старому стилю, после 1918 года – по новому.

Авторы благодарят:

- Аллу Вячеславовну Князькину – председателя совета региональной общественной просветительской организации «Институт Петербурга», инициатора создания данной книги;
- Ольгу Викторовну Слепенкову – сотрудника Государственного музея истории Санкт-Петербурга – за советы по структурированию и изложению материалов;
- Светлану Дмитриевну Мангутову – кандидата педагогических наук, заведующую Научной библиотекой Русского географического общества – за редактирование библиографических ссылок;
- Наталью Петровну Мирскую – за помощь в редакции книги;
- Ольгу Анатольевну Семенкову, правнучку М.Ф. Чулицкого, – за совместные архивные поиски и предоставленные материалы и фотографии из семейного архива;
- Веру Владимировну и Илью Павловича Старенок – за покупку редкой книги;
- Александра Борисовича Филиппова – за сделанные специально для этого издания фотографии;
- сотрудников Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ);
- сотрудников Российского государственного исторического архива (далее – РГИА);
- сотрудников Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб);
- сотрудников Центрального государственного архива города Москвы (далее – ЦГА Москвы);
- сотрудников Российской национальной библиотеки;
- сотрудников Российской государственной библиотеки.

Авторы приносят извинения, что из-за короновирусной пандемии не сумели отсканировать часть фотографий в библиотеках и архивах и вынуждены вместо них разместить изображения из открытых источников.

Авторы прекрасно понимают, что данная книга, как и всякая ей подобная, не застрахована от ошибок, неточностей, описок и опечаток. И будут рады, если читатели сообщат нам о них на электронную почту [spb1866@mail.ru](mailto:sbpsp1866@mail.ru)

А если вдруг, дорогой читатель, вы располагаете какими-нибудь материалами (дневниками, письмами, мемуарами, фотографиями и т. п.), связанными с деятельностью Петербургской сыскной полиции или с судьбами её чиновников, и готовы с нами поделиться, просьба связаться с нами по указанному выше электронному адресу.

1. Сыск до создания сыскной полиции

1.1. Допетровская эпоха

В современном мире расследованием преступлений занимаются государственные правоохранительные органы, сотрудники которых имеют профессиональную подготовку и наделены правами на проведение опросов и допросов, обысков, задержаний и назначение экспертиз. Однако так было не всегда. Трудно даже представить, что с Античности до восемнадцатого века раскрытием уголовных преступлений занимались сами потерпевшие, которые, самостоятельно собрав доказательства, обращались потом в суд и в ходе состязательного процесса пытались доказать вину подозреваемых ими лиц. Такой порядок уголовного процесса действовал ещё в Древних Греции и Риме, откуда через франков был позаимствован в XI веке древнерусским правовым кодексом Русская Правда.

Согласно Русской Правде любые правонарушения – от неуплаты долга до убийства – рассматривались как «обида». А это означало, что дело могло возникнуть только в том случае, если «обида» была соответствующим образом оформлена и для её удовлетворения представлялись доказательства^[1]:

а) вначале потерпевшие должны объявить о совершенном против них преступлении на площади или в другом людном месте («закличить на торгу»), например, объявить о пропаже вещи, описав признаки, по которым её можно опознать;

б) затем при выявлении подозреваемого (например, у кого-нибудь обнаруживалась пропавшая вещь) подать иск («поклёп»). На суде происходил допрос («свод»), во время которого подозреваемый либо признавался в краже, либо указывал на лицо, у которого им была приобретена сия вещь. Свод продолжался по цепочке, пока не доходил до человека, не способного дать объяснения, где он вещь купил. Он-то и признавался вором («татем»). Вор был обязан вернуть пропажу и уплатить штраф;

в) если же вору удавалось скрыться до «свода», потерпевший имел право его преследовать («гнать след»).

Татей преследовали по оставленным ими следам. Считалось, куда приведёт след, там вор и прячется. Деревня (село) или купеческий обоз, возле которого обрывался след, были обязаны либо выдать татя, либо отвести («отскочить») от себя след, т. е. доказать, что преступник их покинул. Если жители общины / обозники не могли сие доказать, им приходилось платить особую пеню, которая называлась «дикой вирой». Если же след татей выводил гонщиков на большую дорогу («гостинец») или к безлюдному месту, то розыск заканчивался ничем.

Поскольку по Русской Правде уголовное и гражданское право не разделялись, то и состязательный судебный процесс не разделялся на уголовный и гражданский. Наличие истца было обязательным. Если истца не было, то, как правило, ответчика не искали.

Для предупреждения ошибок суду должны были быть представлены доказательства. Различали два их вида: внешний вид потерпевшего (наличие у него синяков, кровоподтеков) и показания свидетелей.

Судьей выступал либо сам князь, либо назначенный им вирник (от слова «вира» – пеня, которая платилась за судебное производство в казну). Чин вирника считался важным, ему было положено «сытое кормление» от общины. По делам об убийстве, которое тогда называлось головничеством (отсюда и термин «уголовное право»), князья для собственной выгоды начинали розыск даже в отсутствие истца, потому что за убийство полагались огромные виры.

Надо отметить важные особенности тогдашнего законодательства:

а) обращаться в суд мог только лично свободный человек;

б) обвинять он мог только лично свободного, равного себе по положению. Споры между рабами (а позднее крепостными) решал их владелец;

в) по делам политическим и церковным сыск производило само государство.

Обременительные государственные налоги и повинности, произвол кормщиков, закрепощение земледельцев за землевладельцами привели в XVI веке к тому, что разбои *«сделались явлением политическим, в разбойничьи шайки укрывался всякий, кто не хотел потерять своей свободы»*^[2]. Для борьбы с лихими людьми царь Иван Грозный велел создать «на местах» особые выборные органы – губные избы (от слова «губа» – округ) в составе 3–4 боярских детей, «которые бы грамоте умели и которые пригожи [зажиточны и благонадежны]». В помощь им он отрядил старост, десятских и «лучших людей крестьянских». Губные учреждения одновременно совмещали три функции: сыск, досудебное следствие (под ним понималась пытка) и суд.

С тех пор два вида сыска существовали параллельно. Поимка преступника губными учреждениями завершалась следствием и наказанием в них; выявление вора сводом оканчивалось прежним состязательным процессом, который, как и ранее, принимал за доказательства свидетельские показания, «поле» (хорошо знакомый нам по сериалу «Игра престолов» судебный поединок) и крестное целование.

Губные избы подчинялись Разбойному приказу, который не только управлял местными органами борьбы с преступностью, но и являлся высшей судебной инстанцией (если не считать царя и суд Боярской думы). Губные старосты избирались из дворян, которые в силу возраста или полученных увечий не могли нести полковую службу. Старосте помогали выбранные из крестьян или жителей городов целовальники (при принятии присяги они целовали крест, отсюда и название), сторожа, палач и бирюч (зачитывал населению царские указы). Губные избы сперва действовали на основании положений губных грамот Ивана Грозного, затем согласно Уставной книге Разбойного приказа. Впоследствии содержание всех 72 статей Уставной книги и дополнений к ней вошло составной частью в главу XXI «О разбойных и о татинных делах» Соборного уложения 1649 года.

1.2. Сыск при Петре I

Петр I ликвидировал и Разбойный (с 1682 года он назывался Сыскным), и Земской (выполнял функции Разбойного в Москве) приказы, а розыск по уголовным делам, если такие случались, поручал гвардейским и армейским офицерам, которых на время следствия именовал сыщиками^[3].

В начале царствования Петра уровень преступности был довольно низким, и какое-то время сыщикам-офицерам удавалось справляться с сыскными поручениями. Однако затеянные царем масштабные реформы, для реализации которых сотни тысяч крестьян были призваны в армию или отправлены на принудительные работы, повлекли за собой небывалый до того рост преступности.

«Разбойничьи шайки, предводимые беглыми солдатами, соединялись в благоустроенные и хорошо вооруженные конные отряды и нападали “порядком регулярным”, уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врывались в города. Иной губернатор боялся ездить по вверенному ему краю, и сам князь Меншиков, петербургский генерал-губернатор, считавший себя способным прорыть Ладозжский канал, не краснея, объявил Сенату, что не может справиться с разбойниками своей губернии»^[4].

Офицеры-сыщики с таким разгулом преступности справиться не могли, и тогда, по примеру европейских государств, Петр I создал полицию. 27 мая 1718 года он подписал указ «Об учреждении в С.-Петербурге должности генерал-полицмейстера и о назначении на таковую генерал-адъютанта Девиера»:

«...определили мы для лутчих порятков в сем городе дело генерала-полицьмейстера нашему адъютанту Девиеру и дали пункты как ему врученное дело управлять»^[5].

Пунктов было тринадцать. Их можно свести в три группы:

- обязанности по надзору за строительством, благоустройством и санитарией;
- обязанности по обеспечению пожарной безопасности;
- обязанности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Штат полиции был определен в 200 человек, однако укомплектован не был. К концу 1718 года на службе в полиции состояли 42, через год – 67, в 1727 году – 123 человека. Финансировалась полиция из рук вон плохо: «унтер-офицеры, капралы и рядовые мундиру не получали с 1719 году, а ружья и амуниции с 1715 году, которые в оном претерпевают немалую нужду и за босотою и наготою на работы не выходят, а за неимением амуниции на караулы не ходят»^[6], – жаловался в рапорте 1723 года генерал-полицмейстер Антон Мануилович Дивьер (в источниках его фамилия пишется по-разному: Дивьер, Дивиер, Девиер).

Специально выделенных для розыска преступников людей в штате не было. По мере необходимости Дивьер поручал сыск одному из 8 офицеров, состоявших на службе. А часто в связи с загруженностью офицеров занимался сыском сам, иногда на пару с Петром I.

Так, 16 января 1724 года император лично расследовал ограбление «золотарного мастера» Ягана Роконтина, на которого якобы напали, когда он относил сделанные им украшения А.Д. Меншикову. Осмотрев место преступления, Петр I пришел к выводу, что нападение инсценировано самим Роконтиным, и повелел ювелира пытать. На втором допросе в застенке ювелир сознался и указом императора был отправлен в Сибирь на вечное житье.

Судьба А.М. Дивьера сложилась печально из-за того, что при дворе он имел могущественного врага – генерал-губернатора Петербурга Александра Меншикова.

Рис. 1. Первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга А.М. Дивьер

Причиной вражды стала женитьба Дивьера на сестре Меншикова Анне Даниловне. Светлейший был категорически против брака – слишком уж низким, по его мнению, было происхождение (из каталонских евреев) первого генерал-полицмейстера Петербурга. Но вмешался Петр I, и свадьба состоялась. Однако Меншиков с семейным позором не смирился. Случай отомстить выдался, когда Екатерина I была при смерти и уже плохо соображала. Александр Данилович оговорил ей Дивьера, мол, весь двор в печали, а он – нет. Несчастного вздернули на дыбу, после двадцать пятого удара кнутом он сознался, что готовит антиправительственный заговор. За несколько часов до смерти Екатерина I подписала указ о ссылке Дивьера в Якутию.

Только по восшествии на престол Елизаветы Петровны вышел именной указ об освобождении его из ссылки. Высочайшим указом от 23 апреля 1743 года (когда Дивьер вернулся в Петербург) ему были возвращены прежние чины, ордена, имения, графское достоинство и даже должность генерал-полицимейстера. Но здоровье Дивьера было подорвано, 24 июня 1745 года он скончался.

1.3. Сыск в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны

Полиция при Петре I была создана только в двух столичных городах – в Петербурге и в Москве. Из-за обилия функций, недостатка финансирования, неукомплектованности штатов со своими обязанностями, в том числе и сыскными, она справлялась плохо. Не лучше обстояли дела и в губернских канцеляриях, на которые Петр I возложил следственные функции. Так, в Первопрестольной к началу царствования Анны Иоанновны было не рассмотрено 21 388 уголовных дел^[7]. И новая императрица, не мудрствуя лукаво, возрождает именованным Указом от 22 июля 1730 года Сыскной приказ в Москве:

«... Учредить два Приказа: Судный¹ и Сыскной, в которых дела имеют быть: в Судном всякого чина людям, которые обретаются и впредь обретаться будут в Москве, как Московской, так и прочих губерний, суд давать и решение чинить по Уложению и по указам без всякой волокиты; в Сыском ведать татинные, разбойные и убийственные дела, и которые воры и разбойники пойманы будут в Москве и приведены в Полицейстерскую Канцелярию, тех, записав, в то же время отсылать в Сыскной Приказ»^[8].

В царствование Елизаветы Петровны подобный орган – Розыскная Экспедиция – будет создан и в Санкт-Петербурге.

Розыски в Сыском приказе открывались по искам челобитчиков, по указам и прошениям различных правительственных учреждений, по доносам частных лиц. Преимущественной формой дознания являлся «доезд» – отправка подьячего Сыского приказа с солдатами и окольными людьми (понятыми) для проверки полученных из челобитной (прошения, доноса) сведений о местонахождении преступников, складе краденого и т. д. Если сведения подтверждались, производился арест преступника. Как правило, в день привода арестанта осуществлялся его первый допрос: вначале канцелярские служители задавали арестованному вопросы биографического характера – как звать, сколько от роду лет, происхождение, настоящее положение и место жительства; затем расспрашивали по сути следственного дела. После допроса подследственного осматривали, чтобы выяснить, подвергался ли он ранее пытке или телесному наказанию. Если при осмотре на спине обнаруживались характерные следы, арестант (их называли колодниками) вынужден был рассказывать о своем преступном прошлом. Если подозреваемый на допросе вину в регулярном совершении краж, по действовавшему процессуальному законодательству (Соборное уложение 1649 года) его следовало пытать с целью выявления других преступлений и сообщников.

«Пока заплочный мастер усердно работал кнутом, служащие Сыского приказа задавали страдальцу вопросы и записывали его ответы. На каждую пытку составлялся специальный протокол – “пыточные речи”. В тех случаях, когда преступник вопреки свидетельским показаниям и уликам отрицал предъявленные ему обвинения либо на первой пытке изменил свои показания, данные на допросе, по усмотрению судей Сыского приказа могла применяться трехкратная пытка. Однако, как правило, судьи старались не прибегать к ней, если подследственный на допросе признал обвинения и при первой пытке подтвердил признание»^[9].

¹ Судный приказ разбирал уголовные дела, не связанные с воровством, разбоем и убийствами, которыми занимался Сыскной приказ.

Колодники осуждались судьями Сысского приказа, согласно Соборному уложению, на телесное наказание или на телесное наказание с последующей сибирской ссылкой (в зависимости от вины).

В царствование Анны Иоанновны генерал-полицмейстером служил её родственник Василий Федорович Салтыков (1675–1751). Ему удалось существенно увеличить штат полиции, а также подчинить себе созданные в 1733 году полицмейстерские конторы в 23 российских городах.

В начале царствования Елизаветы Петровны генерал-полицмейстер В.Ф. Салтыков был отправлен в отставку, на его место сперва определен был камергер Фёдор Осипович Наумов, затем, как уже говорилось, его сменил вернувшийся из ссылки граф Антон Дивьер. После его кончины генерал-полицмейстером был назначен Алексей Данилович Татищев (1697–1760) – бывший денщик Петра I, который при его внуке попал в опалу, однако при Анне Иоанновне возвращен ко двору. Именно ему пришла в голову идея построить Ледяной дом для свадьбы шута и калмычки.

Рис. 2. Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга А.Д. Татищев

На посту генерал-полицмейстера империи Алексею Даниловичу Татищеву удалось пресечь деятельность известного всей Москве Ваньки Каина.

Дело № 1. Сыщик и доноситель Ванька Каин

Вечером 28 декабря 1741 года в дом судьи Сысского приказа князя Кропоткина явился некий Ванька Осипов и заявил, что он-де вор по кличке Каин и готов выдать властям всех воров, которых знает.

Власти Лондона уже пытались использовать преступников в борьбе с преступностью – когда численность населения в городе увеличилась до нескольких десятков тысяч, прежний порядок сыска (силами потерпевших) стал невозможен – преступники теперь сбивались в шайки, действовали организованно и умело скрывались от поисков и погонь в трущобах. В порядке эксперимента лондонские власти предложили за определенную плату любому правонарушителю, бывшему или действующему, указывать на других злоумышленников. Творчески подойдя к этому предложению, некий Джонатан Уайльд (ок. 1682–1725) сумел быстро подмять под себя почти всю лондонскую преступность. Он поставил воришкам ультиматум – все похищенное «сдавать» только ему. Тех, кто отказывался, он выдавал властям. Сам же Уайльд через объявления в газетах «возвращал» краденые вещи законным владельцам за 30 % их стоимости. Лондон был поделен Уайльдом на округа, за каждым из которых был закреплен «смотрящий», строго следивший, чтобы на его территории не орудовали «чужие» грабители.

Однако далеко не все воры подчинились «королю вороловов». Одним из «отказников» был некий Джек Шепард. Их борьба с Уайльдом зашла настолько далеко, что в итоге оба оказались на виселице. А лондонским властям пришлось прекратить эксперимент с выплатой преступникам вознаграждения за выдачу своих товарищей.

Какие мотивы двигали Ванькой Каином, доподлинно неизвестно. Возможно, он рассчитывал, что ему будут платить вознаграждение за каждого колодника. Или же примут в штат Сысского приказа и он будет получать жалованье. Ванька, видимо, не знал, что согласно Указу от 23 мая 1726 года мелкие чиновники, производящие дела, должны были «довольствоваться... с челобитчиков, кто что даст по своей воле»^[10]. Жалованье получали только судьи, заплечных дел мастера, сторожа и прикрепленный к Приказу священник. А вот секретарям, канцеляристам, подканцеляристам и копиистам казна не выплачивала ни копейки вплоть до 1750 года.

Рис. 3. Портрет Ваньки Каина из книги XVIII века

Однако в штат Ваньку не взяли. И он, ничего не зная про Джонатана Уайльда, пошел по его стопам. С 1741 по 1748 год «доноситель и сыщик» Ванька Каин выдал 774 преступника, однако тех, кто платил ему дань, он не трогал. Подобно лондонскому предшественнику, Каин занимался и «розыском» похищенных вещей. Однако за возврат украденного выставял столь безбожный счет, что «ограбленные чувствовали себя ограбленными дважды». В отличие от лондонского «короля вороловов», Ванька Каин и сам принимал участие в преступлениях. Так, в 1748 году он организовал одно из самых успешных разбойных нападений XVIII века в Москве, напав на струг² купца Степана Скачкова, шайка под его руководством похитила более тысячи рублей.

Жаловаться на Каина было бесполезно – он сумел коррумпировать не только начальство Сысского приказа, но и сенатского прокурора. И если бы не приезд в Москву Государыни Императрицы, неизвестно, сколько бы ещё бесчинствовал Ванька. Но очередная челобитная усилиями недоброжелателя Каина – канцеляриста Московской полицмейстерской канцелярии Николая Будаева – попала в руки генерал-полицмейстера Алексея Даниловича Татищева,

² Струг – плоскодонное парусно-гребное средство, служившее для перевозки людей и грузов.

сопровождая венценосную особу. Обвинение было очень серьезным – похищение и совращение девицы. Татищев распорядился Каина задержать, а после ареста допросил его лично. И не только про девицу, а, по наущению Будаева, и про остальные дела-делишки, сообщников и покровителей. Каину терять было уже нечего, и он всё чистосердечно рассказал Татищеву.

В итоге состав Сысского приказа был полностью расформирован и набран заново. По судебному приговору Каину надлежало «учинить смертную казнь: колесовав, отсечь голову»^[11]. Однако в Сенате казнь заменили наказанием кнутом, клеймением и каторгой в Рогервике³. Там Ванька и сгинул.

При А.Д. Татищеве должность генерал-полицмейстера переводится из пятого класса Табели о рангах в третий (президенты коллегий состояли лишь в четвертой!), в мае 1746 года было объявлено о его прямом подчинении императрице (ранее генерал-полицмейстер подчинялся Сенату). В 1757 году Татищев был произведен в генерал-аншефы, по «Уставу воинскому» этот чин приравнивался к фельдмаршалу. Татищеву подчинялась напрямую вся полиция империи. Такого положения, могущества и чина ни до, ни после не имел никто из руководителей полиции. На посту генерал-полицмейстера Алексей Данилович Татищев прослужил до самой своей смерти.

³ Порт на берегу Финского залива Балтийского моря. Ныне город Палдиски (Эстония).

1.4. Реформа полиции при Екатерине II

Свергнув мужа, Екатерина II не стала отправлять в отставку назначенных им сановников. Тем более что главный директор над всеми полициями барон Николай Александрович Корф (1710–1766) имел большие заслуги перед новой императрицей – будучи прекрасно осведомленным о её заговоре против Петра III, он и пальцем не пошевелил для его предотвращения. Как и А.Д. Татищев, барон Н.А. Корф на своем посту оставался до самой смерти, однако уже в первые месяцы своего царствования Екатерина вывела полицию из-под своего непосредственного управления, подчинив опять Сенату. А после смерти Корфа императрица приступила к реформе полиции. Слишком уж обширны и запутанны были её функции – кроме собственно полицейских, она выполняла задачи административные, финансовые и судебные. Зачастую эти функции пересекались и противоречили задачам других ведомств: Комиссии по строениям, Акцизной конторы, Ямской канцелярии и т. д. Наказом, изданным 28 февраля 1768 года, полиция была лишена права налагать тяжкие наказания, её репрессивные меры должны были заключаться теперь только в пеньях, денежных и других взысканиях (эти функции полиция будет исполнять вплоть до Судебной реформы 1864 года, потом они отойдут к мировым судьям). Однако расследование преступлений по-прежнему оставалось за полицией (кроме дел, находившихся в ведении Розыскных экспедиций, – Московский Сысской приказ в 1763 году был переименован в Розыскную экспедицию). И только для судебного разбирательства по тяжким преступлениям полиция должна была отсылать обвиняемых в суд.

В конце 1774 года полиция была создана и в сельских местностях – в деревнях и селах были введены должности сотских и десятских, по сути, выполнявших обязанности полицейских. Они избирались на сельских сходах и были обязаны *«смотреть и иметь разведывать в селении и близ него против воров, разбойников, злоразгласителей, беглых»*^[12]. Подчинялись они капитану-исправнику, избиравшемуся на собрании уездного дворянства, окончательно в должности его утверждал губернатор.

В 1775 году Екатерина II издала манифест, получивший название «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». В нем она отказалась от централизованного управления полицией. Главная полицмейстерская контора была упразднена, а руководство полицией передавалось на места – губернаторам. Должности полицмейстеров были ликвидированы. В городах, в которых на постоянной основе размещались военные гарнизоны, полицейские обязанности теперь исполнял комендант. В остальных – городничий, подчинявшийся Губернскому Правлению. В губернских городах полицию возглавляли с тех пор военные губернаторы. В Москве и Петербурге – обер-полицейстер, который подчинялся военному губернатору.

Круг обязанностей на всех вышеперечисленных должностях (капитан-исправник, комендант, городничий, военный губернатор и обер-полицейстер) был примерно одинаковым: предупреждать распространение прилипчивых заболеваний, принимать меры по прекращению скотского падежа, усмирять возмущение, давать обиженным покровительство, искоренять скопища воров и беглых, смотреть за мостами и дорогами, расквартировывать войска, предотвращать и тушить пожары.

Все крупные города отныне делились на части, в каждой из которых должно было быть от двухсот до семисот дворов. В каждой части полицейское управление возглавлял частный пристав. Каждая часть, в свою очередь, делилась на определенное количество кварталов (в каждом от 50 до 100 домов), полицией в квартале руководил квартальный надзиратель.

Обязанности по расследованию уголовных преступлений были возложены на частных приставов:

«При выслушивании жалобы, прошения, уведомления или донесения о не порядке, не устройстве или законопротивности в его части Пристав обязан, нимаало не мешкая, словесно исследовать, стараясь прилежно об узнании истины с познанием доказательств гласным и безгласным свидетельством: что же найдет, то записать в протокол. Всякого уголовного преступника закон предписывает отдать Частному Приставу, который должен допросить его на месте и тотчас после привода, причем выслушивает также и свидетелей, и вообще чинит всякие производства, в коих окажется надобность для утверждения доказательств... Отобранные устно показания Приставу велено записывать в протокол, а уголовного преступника взять под стражу. Для уголовных дел Приставу предписывается известная программа следствия:

- 1) в исследовании об объекте данного преступления;*
 - 2) о самом действии, которое учинено;*
 - 3) о способе или орудии, чем учинено;*
 - 4) о месте, где учинено;*
 - 5) об околностях, объясняющих с намерением или без намерения и утверждающих или обличающих, как учинено;*
 - б) о преступнике, кем учинено.*
- Перечисленные обязанности Пристав отправляет бесплатно»^[13].*

Секретным Указом Екатерины II от 8 ноября 1774 г. в России были отменены пытки. В 1782 году были упразднены Розыскные экспедиции, и все розыски и следствия по уголовным делам окончательно отошли к полиции.

Дело № 2. Эжен-Франсуа Видок и создание Сюртэ

История первой в мире криминальной полиции, как ни странно, связана с очередным «вороловом». Впрочем, в своих мемуарах Эжен-Франсуа Видок (1775–1857) божится, что преступником никогда не был (дезертирство, пиратство, шулерство и контрабанда не в счёт), а на каторгу попал из-за судебной ошибки. С каторги Видок сбежал, однако был пойман, через некоторое время совершил второй побег, на этот раз удачный. Купив чужие документы, он женился и открыл в Париже лавку по продаже одежды. Почти десять лет он провел на свободе, пока в 1809 году полиция его снова не нашла. Но возвращаться на каторгу Видок не желал. И поэтому предложил шефу второго управления полиции Парижа господину Анри стать его «бараном» (на современном языке – внутритюрным информатором). Анри предложение принял, и два последующих года Видок, пользуясь своим положением среди заключенных (беглые каторжники всегда были в «авторитете»), выуживал из них сведения о совершенных ими преступлениях, а также имена скупщиков краденого, адреса притонов и т. д.

После двух десятилетий революции, народных восстаний и войн криминогенная обстановка в Париже оставляла желать лучшего. А выданные Видоком преступники были лишь ничтожной частью криминального сообщества. И тогда господин Анри с префектом Парижа Этьеном-Дени Паскье решились на беспрецедентный шаг – предложили Эжену-Франсуа создать и возглавить особое подразделение по борьбе с преступностью, охранительную (криминальную) полицию, которая вскоре стала именоваться Сюртэ Насьональ.

Видок согласился, ему устроили «побег» из тюрьмы. В выборе сотрудников для нового подразделения Видок придерживался принципа «побороть преступников может только преступник». Сперва у него служило 4, потом 6, затем 12 бывших заключенных. Агенты Сюртэ на правах старых знакомцев проникали в шайки, выясняли их планы и сообщали эти сведения полицейским, которые задерживали преступников с поличным. Действовали агенты очень

энергично: так, за 1817 год Видок с подчиненными произвели семьсот семьдесят два ареста и тридцать девять обысков с захватом украденных вещей.

Рис. 4. Эжен-Франсуа Видок. Портрет из издания его мемуаров 1829 года

Однако вскоре преступный мир узнал, что Видок и его агенты служат в полиции. И ему пришлось придумывать другие способы раскрытия преступлений. Уголовные полиции по всему миру пользуются ими до сих пор:

- формирование штата осведомителей в преступной среде;
- ведение картотек всех лиц, когда-либо попадавших в поле зрения полиции;
- использование современных достижений науки и медицины (так, в 1822 году по пуле, извлеченной из тела убитого, Видок сумел идентифицировать пистолет, а в 1826 году высказал идею об идентификации преступников по отпечаткам пальцев).

В 1827 году префектом парижской полиции был назначен Анри Жиске. Он считал, что лица, привлекавшиеся к ответственности по обвинению в уголовных преступлениях, хоть бы судом и оправданные, не могут служить в полиции. Видок и его «банда», как Жиске их называл, были уволены.

Лишенный службы, великий сыщик пишет три тома «Записок Эжена-Франсуа Видока, начальника парижской тайной полиции», которые сразу переводят на все европейские языки. А в это время Париж переживает всплеск волны преступности. И полицейское руководство неожиданно для себя выясняет, что безупречное происхождение набранных вместо «банды Видока» сыщиков отнюдь не гарантирует успехов в розысках. Видока восстановили в полиции. Однако, научив новых сотрудников и передав агентуру, он оказался не нужен и в 1833 году снова, на этот раз окончательно, был уволен⁴. Но на этот раз Видок знал, чем ему заняться.

⁴ Нечто подобное потом произойдет в Советской России – Петроградский уголовный розыск создали бывшие чиновники Сыскной полиции: А. А. Кирпичников, П. М. Игнатьев и другие. Но после того как они подготовили «пролетарские кадры»,

В том же году в Париже, на улице Клод-Перш, 12, он открыл контору под названием «Бюро по сбору информации» – первое в мире частное детективное агентство. По заказам клиентов он расследовал действия аферистов, мошенников, следил за неверными супругами, за беспутными детьми, а также занимался, говоря современным языком, коллекторской деятельностью – возвращал просроченные долги. «Вышибание» долгов и привело к конфликту Видока с властями. Он был вынужден закрыть Бюро и уехать на время в Лондон, где поучаствовал в создании Скотленд-Ярда. В 1849 году Эжен-Франсуа окончательно отошел от детективной деятельности. Остаток жизни он посвятил помощи бывшим преступникам, отказавшимся от прежних занятий.

1.5. Сыск в первой половине XIX века

В ноябре 1800 года Сенат получил именной Указ Павла I, согласно которому городская полиция Петербурга передавалась в подчинение гражданскому губернатору^[14]. В Указе впервые на законодательном уровне было закреплено новое и очень важное положение: «полиция есть часть гражданская». Но фактически вывести полицию из-под власти военных Павел I не успел.

Царствование императора Александра I началось с масштабной реформы государственного управления – вместо коллегий в 1802 году были созданы министерства, в том числе Министерство внутренних дел, которому подчинили всю полицию, городскую и сельскую. Однако это решение сложно назвать удачным – для страны, растянувшейся на десяток с гаком тысяч верст, децентрализованная система управления, внедренная Екатериной II, была, наверно, единственно возможной. Если письмо из Петербурга на Камчатку путешествует чуть ли не год, как министру МВД руководить камчатской полицией? Потому заодно сохранили и подчинение полиции военному губернатору. После чего и без того запутанные отношения центральной и местной властей ещё более осложнились. До реформы губернаторы назначались императором, теперь же они были чиновниками МВД и полностью зависели от министра. Но губернские правления по-прежнему подчинялись Сенату. Однако именно через них губернатор руководил полицией. «Сенат часто не знал распоряжений министров, а министры – распоряжений Сената. Создалась невообразимая путаница, и развилась необычайная переписка»^[15]. Если в начале XIX века из земского суда одного из уездов Тамбовской губернии исходило 500 бумаг в год, то в 1825 году их уже отправлялось 10–12 тысяч^[16].

Важным для усиления следственной работы была поддержанная в 1808 году императором Александром I инициатива военного губернатора Санкт-Петербурга, генерала от инфантерии князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского (1758–1838), об учреждении при обер-полицмейстере четырех должностей следственных приставов.

Рис. 5. Санкт-Петербургский военный губернатор Д.И. Лобанов-Ростовский

Свое представление он мотивировал тем, что

«частный пристав, постоянно занятый и обремененный множеством разнородных дел, большей частью требующих подвижности, едва ли может на производство следствия уделить столько времени, чтобы выяснить все предметы, подлежащие обследованию с надлежащей подробностью и

обстоятельно; оттого почти все следствия бывают недостаточны, доводы неубедительны и заключения гадательны»^[17].

Дело № 3. Следственный пристав Гаврило Яковлев

К сожалению, история не сохранила биографий и описания деяний ни одного из петербургских следственных приставов времен царствований Александра I и Николая I. Но, по всей видимости, среди них не было выдающихся сыщиков, раз на самые важные дела в столицу из первопрестольной вызывался коллежский советник Гаврило Яковлевич Яковлев (1760-е – 1831).

«Закон о неделании пристрастных допросов и истязания существовал и тогда, но Яковлев действовал так, будто закона совсем не было. Одна фамилия Яковлева приводила в трепет людей... Фамилия его сделалась известной старому и малому и притом в таком роде, что самые крикливые дети умолкали, если им говорили, что идёт сыщик Яковлев...»^[18]

По происхождению Яковлев был из кантонистов (солдатских детей), службу начинал аудиторским⁵ писарем, однако насчет достоверности этих сведений имеются сомнения, потому что современники отмечали, что он с трудом писал и плохо читал, особенно рукописное. В 1812 году при отступлении российских войск из Москвы, по собственным словам Гаврилы Яковлева, он был оставлен в Первопрестольной графом РаSTOPчинным для её поджога.

Всем известно выражение **подлинная правда**. Но мало кто знает, что сие значит. А это показания, которые «добывали» **длинником** – длинной палкой. Гаврила Яковлев самолично избивал ею подследственных. Не брезговал он и розгами. «После десяти умелых ударов, сопровождавшихся радостным визгом следственного пристава, подозреваемый уже не в силах был кричать, а лишь стонал и вздрагивал разорванным телом... Нередко случалось, что люди брали на себя чужую вину, лишь бы избавиться от допроса у знаменитого сыщика. Стоило, к примеру, московскому обер-полицмейстеру – когда дерзкий воришка запирался и божился, что невиновен, – приказать городовому: “Пригласи-ка Яковлева”, который дожидался аудиенции в приемной, как подозреваемый упал на колени и признался в грехах...»^[19]

Из-за большого количества следственных дел, которые вел Яковлев, он был вынужден тратить значительное количество средств на оплату осведомителей и ищеек⁶. Данные расходы он покрывал:

- приношениями в праздники от содержателей кабаков, притонов и «домов для торговли развратом», для которых он должен был быть грозой, однако служил защитой;
- доходами от случайных встреч в этих заведениях с богатыми купеческими сынками, кутившими там тайком от родителей;
- вынудив у какого-нибудь вора чистосердечное признание, Яковлев частенько заставлял его оговорить в покупке краденого какого-нибудь зажиточного, но не имевшего хороших связей человека. У того производился обыск, обычно ночью, и, несмотря на то что краденых вещей не находили, оговоренного брали под стражу. И ему оставался лишь один исход – полюбовная сделка с Гаврилой Яковлевичем.

«Яковлев в продолжение своей службы в должности сыщика открыл виновных во многих самых важных преступлениях, отыскал огромное количество украденных и ограбленных денег и имущества и переловил значительное число беглых, воров и всякого другого рода преступников...»

⁵ Аудитор – военный юрист.

⁶ Ищейки – сыщики, не состоявшие в штате полиции.

К несчастью, бывало много таких примеров, что невинно подозреваемые сознавались в тех преступлениях, к которым они не были причастны. Впоследствии иногда обнаружались были настоящие виновники... Но по негласности нашего судопроизводства это было известно только канцеляриям в судах и не порождало никаких неприятных последствий для сыщика»^[20].

«Освободилась Москва от усердного следственного пристава лишь благодаря холере 1831 года... уволокшей душу Яковлева... по клятвенным заверениям его подследственных, прямехонько в преисподнюю»^[21].

Подробности службы следственных приставов в предреформенные годы хорошо нам знакомы по образу Порфирия Петровича из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Должность следственного пристава просуществовала до 1860 года. В ходе Судебной реформы следственные функции у полиции отобрали окончательно и передали в Министерство юстиции.

Успехи французской Сюртэ были хорошо известны в России. Уже в 1822 году петербургский обер-полицмейстер Иван Саввич Горголи (1773–1862) написал записку, в которой предлагал организовать при Петербургской полиции сысское или надзорное отделение, так как общая полиция плохо справляется с задачами по расследованию и раскрытию преступлений. Горголи предлагал следующую структуру: заведование отделением поручить одному из столичных полицмейстеров, которому за это добавить 1000 рублей в год содержания. Отделение должно было состоять из двух приставов (1700 р.), четырех надзирателей (двум по 1000 р., двум по 800 р.), письмоводителя (1000 р.) и 50 вольнонаемных «грамотных служителей-сыщиков» (по 500 р. каждому). На канцелярию Горголи просил 1000 в год, на расходы по розыску и на извозчиков – 2500. Его предложение принято не было^[22].

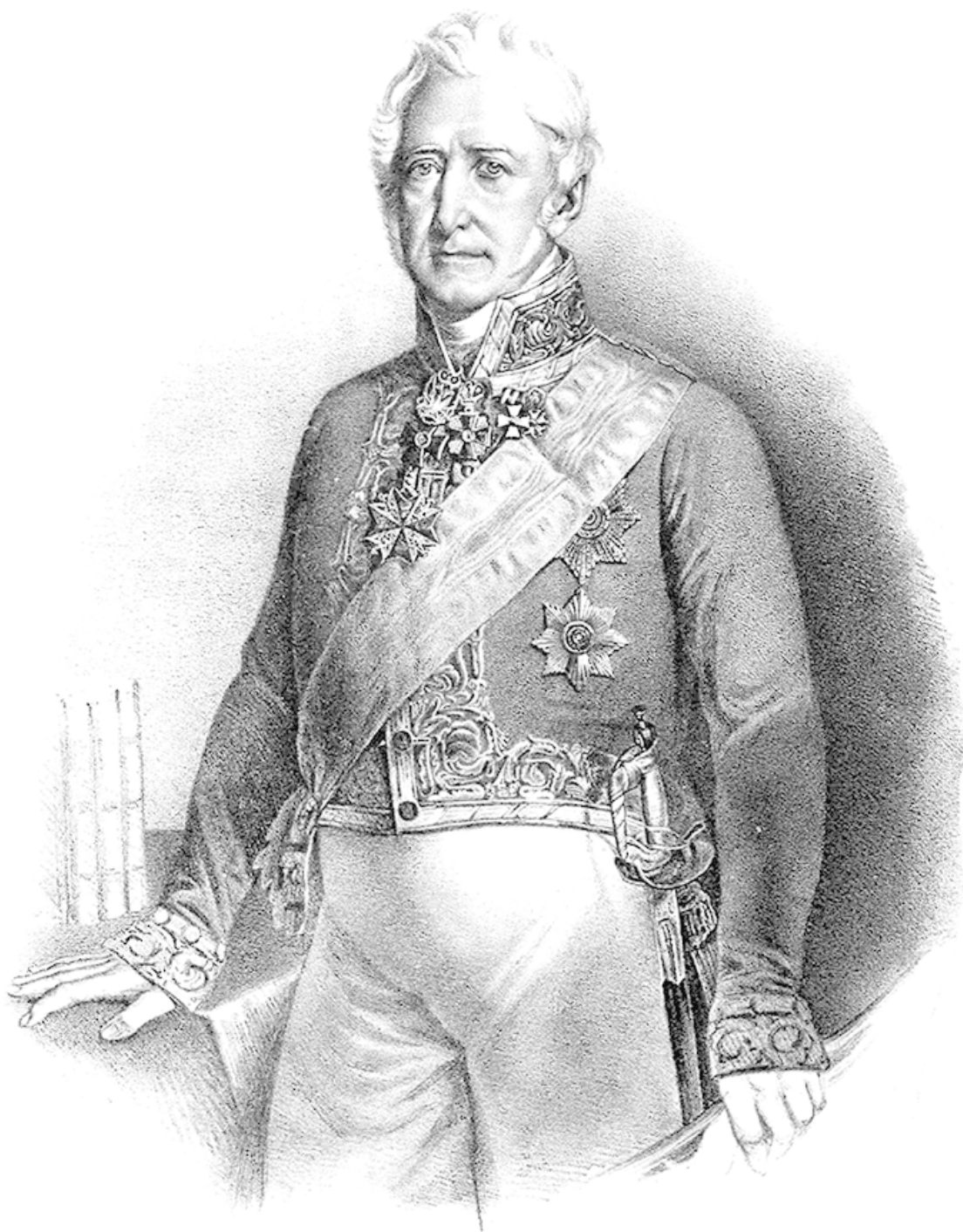

Рис. 6. Обер-полицмейстер Санкт-Петербурга И.С. Горголи

23 февраля 1843 года министру внутренних дел был представлен ещё один проект учреждения, по примеру парижского Сюртэ, Санкт-Петербургской сыскной команды. Команда эта должна была заниматься надзором в людных местах (в церквях, театрах и маскарадах, на рынках, в лавках, банях, домах непотребных женщин и т. д.). Надзор предполагался скрытным, сыщики должны были носить партикулярное⁷ платье. Задачей их было выявление преступлений, которые остаются скрытыми от полиции. Сыщики сами никого брать под стражу не могли, в необходимых случаях должны были обращаться за содействием к исполнительной полиции. Но и этот проект тоже был отклонен.

⁷ Гражданское.

Дело № 4. Иван Липранди – русский ученик Видока

Во время пребывания Отдельного гвардейского (оккупационного) корпуса во Франции возникла необходимость создания военной полиции. Командир корпуса генерал Михаил Семенович Воронцов и начальник штаба генерал Михаил Федорович Орлов поручили это подполковнику Ивану Петровичу Липранди (1790–1880).

Известный исследователь Натан Эйдельман считал, что у Липранди «испанско-мавританские предки»^[23]. Однако автор детективов, теоретик детективного жанра и историк частного сыска Даниэль Клугер утверждает, что предки Ивана Петровича были вовсе не маврами, а евреями – фамилия Липранди до сих пор встречается у иудеев, проживающих в Испании и Аргентине^[24].

Рис. 7. Иван Петрович Липранди

Когда И.П. Липранди взялся за поручение Воронцова, оказалось, что разведка на оккупированной территории неотделима от контрразведки, а политический сыск – от криминального розыска. Позднее Липранди упомянет, что по заданию Воронцова он расследовал дело некоего тайного роялистского заговора («Общество черных булавок») и для сего входил «в сношения с французскими начальниками высшей тайной полиции в Арденнах и Шампани». В частности, с Эженом Видоком. Об их близком знакомстве свидетельствует и известный мему-

арист Филипп Вигель, который столкнулся с прославленным сыщиком в парижской квартире Ивана Петровича.

«...у него было очень умное лицо, на котором было заметно, что сильные страсти не потухли в нем, а утихли. Он был очень вежлив, сказал, что обожает русских и в особенности мне желал бы на что-нибудь пригодиться; тотчас после того объяснил, какого рода услуги может он оказать мне. Как султан, властвовал он над всеми красавицами, которые продали и погубили свою честь. Видя, что я с улыбкою слушаю его, сказал он: “Я не скрою от вас моего имени; вас, по крайней мере, не должно оно пугать: я Видок”»^[25].

По воспоминаниям уже самого Липранди, Вигель попросил Видока разыскать золотые часы, украденные заночевавшим в его доме учеником парикмахера (Вигель был гомосексуалистом).

Видок обучил подполковника Липранди слежке, правилам допроса и вербовки, прочим полицейским хитростям, познакомил «с трущобами и тайнами Парижа»^[26]. Позже Липранди напишет, что «было полезно и интересно узнать все это»^[27]. Однако по возвращении в Россию таланты Ивана Петровича нашли применение вовсе не в борьбе с уголовной преступностью, а в военной разведке и политическом сыске.

Военной разведкой Липранди занимается в 20-е годы на юге империи. Он изучает местные языки, нанимает агентов среди местного населения, от которых «узнает всё, что хочет узнать, заводит важные знакомства и связи среди знатных и влиятельных особ в подчиненных [турецкому] султану областях, подкупает турецкое начальство»^[28]. Ровно через месяц после приезда И.П. Липранди в Кишинёв прибыл высланный из Петербурга А.С. Пушкин. Они познакомились 22 сентября 1820 года и сразу сдружились. Иван Петрович давал поэту книги из своей богатой библиотеки, рассказывал о военных походах, о Париже, о дуэлях, в которых участвовал, – Липранди был известным бретёром. Литературоведы утверждают, что герой пушкинской повести «Выстрел» Сильвио списан с Ивана Петровича.

«Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно, и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. ...Сильвио (так назову его) ...»^[29].

Липранди не были чужды прогрессивные взгляды, он даже состоял в тайных обществах. Возможно, эти взгляды стали причиной длительных конфликтов Ивана Петровича с начальством, в результате которых осенью 1822 года он подал в отставку. Липранди собирался ехать сражаться за свои идеалы в Грецию или даже к Боливару в Латинскую Америку, но ему отказали в выдаче заграничного паспорта. В бунтах 1825 года он не участвовал, однако его имя назвал на допросе член Союза Благоденствия Николай Комаров (1794–1853). Липранди был арестован и заточен в крепость. Его выпустили через месяц вместе с А.С. Грибоедовым, с которым они сидели в одной камере, – больше никто из декабристов Липранди не выдал, а показания Комарова сочли недостаточными. Ивану Петровичу даже выплатили годовое жалованье и вернули к прежним обязанностям – вскоре после освобождения он возвратился в Одессу, где продолжил подготовку к предстоящей войне с Турцией. За несколько месяцев до её объ-

явления в 1828 году он отправился в Бухарест, откуда, несмотря на то что его три раза пытались застрелить, не уехал, пока не подкупил всех турецких чиновников и не скопировал все их донесения. Во время войны Иван Петрович, владевший множеством иностранных языков, допрашивал пленных; организовал партизанский отряд из сербов, болгар и албанцев и стал его командиром; добывал провиант и фураж для действующей армии.

По окончании военных действий Липранди присвоили чин генерал-майора. В 1832 году он женился и вышел в отставку. Но даже в отставке продолжал служить Отечеству – из-под его пера в эти годы выходит множество трудов о Болгарии, Сербии, Албании, Молдавии, Черногории и Османской империи, в которых он подробно описывал тамошние климат, обычаи, пословицы, военные традиции, размышлял о перспективах и способах российского проникновения туда. Однако, к разочарованию Липранди, никакого влияния на внешнюю политику Российской империи его труды не оказали, посылаемые им в Генштаб тетради просто пылились там на полках.

Рис. 8. Лев Алексеевич Перовский

В сентябре 1841 года министром внутренних дел Российской империи стал Лев Алексеевич Перовский (1792–1856). Это назначение было воспринято современниками *«как знаменательное событие в общественно-политической жизни, как признак серьезных перемен в России»*^[30], потому что Льва Перовского знали как человека твердого, целеустремленного, смелого и, что самое важное, убежденного сторонника отмены крепостного права. В юности, как и И.П. Липранди, Лев Перовский состоял в Союзе Благоденствия, однако идею о свержении монархии не разделял и в восстании на Сенатской не участвовал. Отличаясь редкой работоспособностью и энергичностью, Л.А. Перовский пытался привлечь к работе в Министерстве чиновников, обладавших теми же качествами: так, для управления личной канцелярией он пригласил успешного проявить себя талантливым администратором Владимира Ивановича Даля, составителя знаменитого словаря. Граф Павел Дмитриевич Киселев (1778–1872), занимавший тогда

пост министра государственных имуществ, порекомендовал Перовскому своего бывшего подчиненного – Ивана Петровича Липранди. Тому предложение министра внутренних дел пришлось как нельзя кстати – наследственных и благоприобретенных имений Иван Петрович не имел, а на свою пенсию, кроме содержания жены и троих сыновей, тратил на библиотеку, считавшуюся лучшим в Европе собранием книг о Востоке, – английский посланник Сеймур безуспешно пытался купить её за 85 тысяч рублей. А тут жалованье в 1000 рублей, плюс квартирные, плюс прогонные... Липранди с радостью согласился. А Перовский не мог нарадоваться столь неутомимому подчиненному – за 10 лет службы в Министерстве Липранди ни разу не побывал в театре, семье уделял только вечер в неделю, всего лишь раз устроил что-то вроде раута, да и то в интересах дела. Иван Петрович сетовал, что старается больше других и по этой причине не пользуется у этих «других» симпатией^[31]. За 10 лет службы он с блеском исполнил более 700 поручений.

МВД и III отделение остро соперничали между собой – Перовский неоднократно предлагал подчинить политическую полицию ему (его идея была претворена в жизнь только в 1880 году). Николай I и сам был недоволен III отделением, однако с резкими решениями не спешил. Шанс проявить себя в политическом сыске он предоставил Перовскому в 1848 году, когда, узнав, что 27-летний переводчик Министерства иностранных дел Михаил Буташевич-Петрашевский собирает по пятницам у себя дома друзей и ведет с ними какие-то разговоры, поручил это дело не III отделению, а Министерству внутренних дел. Перовский доверил расследование действительному статскому советнику Липранди. С возрастом свободолюбие у того выветрилось, а либерализм сменился охранительством. Иван Петрович даже счел поручение лестным для себя...

Вспомнив уроки Видока, Липранди поручил двум агентам переодеться в извозчиков и каждую пятницу караулить расходящихся от Петрашевского гостей – так стали известны их имена. Затем Иван Петрович внедрил в кружок своего информатора – Петра Дмитриевича Антонелли – сына академика живописи, студента I курса филологического факультета Петербургского университета. Его оформили канцелярским служителем в Министерство иностранных дел, где он без труда свел знакомство с чрезвычайно общительным Петрашевским. Антонелли выяснил содержание «разговоров по пятницам» (социализм – коммунизм, свобода – равенство, Прудон – Фурье) и масштаб организации – количество участников превышало сотню, имелись «филиалы» в других городах. Собрав сведения, Липранди написал доклад, в котором сообщил императору о существовании мощного противоправительственного заговора.

Однако с его выводами не согласилось конкурирующее с МВД ведомство – по мнению III отделения, петрашевцы не готовили заговор – они просто болтуны. Позицию III отделения поддержал МИД – министр К.В. Нессельроде категорически не согласился с утверждением, что у него под носом свило гнездо злодейское общество. Недовольны были и в высшем свете – почти у всех среди петрашевцев имелись знакомые, подчиненные и родственники. Даже министр Перовский – и тот был взбешен, так как выяснилось, что петрашевцем являлся чиновник министерства Н.А. Милютин, которому он покровительствовал.

В результате петрашевцев признали не заговорщиками, а группой безнравственных испорченных молодых людей. И хотя приговор им был очень суров (а иначе никак – в Европе бушевали революции), в последний момент расстрел заменили гражданской казнью, каторгой и ссылкой.

Жандармы намеренно, ещё на самых первых допросах, сообщили петрашевцам о роли в их деле действительного статского советника Липранди. После чего в обществе Ивана Петровича стали открыто презирать. Сменивший Льва Перовского на министерском посту Дмитрий Иванович Бибииков (1792–1879) общался с Липранди в «собачье-начальственном тоне», а потом подвел его под сокращение штатов.

«Для меня дело петрашевцев было пагубно, оно положило предел всей моей службе и было причиной совершенного разорения», – признавался потом Липранди^[32].

Остаток жизни Липранди посвятил сбору и публикации материалов об Отечественной войне 1812 года. Он составил каталог всех посвящённых ей книг и статей и вёл поимённый учёт доживших до того времени ветеранов наполеоновских войн. Лев Толстой использовал материалы Липранди в «Войне и мире», а после публикации романа прислал ему экземпляр книги с надписью: «В знак искреннего уважения и благодарности»^[33]. Умер Иван Петрович Липранди в возрасте 89 лет и был похоронен на Волковском кладбище в Петербурге.

Почему же таланты и знания И.П. Липранди не были использованы для борьбы с лихими людьми? Почему не получили поддержку проекты создания Санкт-Петербургской сысской команды 1822 и 1843 годов? Ответ банален – с восьмидесятых годов XVIII века вплоть до реформ Александра II уровень преступности в империи был крайне низким – например, в Москве в первой четверти XIX века случалось за год всего около десятка тяжких преступлений (убийств и грабежей)^[34]. На докладах МВД, содержащих сведения о числе совершенных и раскрытых преступлений, Николай I регулярно писал: «читал с удовольствием». Тратить деньги на создание ненужной в те времена структуры, пусть и имеющей европейские аналоги, не сочли необходимым.

1.6. Карп Леонтьевич Шерстобитов (1795–1866)

Как уже упоминалось, до 1860 года следствие в Российской империи вели следственные приставы. Но розыскной деятельностью они не занимались – её осуществляли чины наружной полиции: частные приставы, городовые и квартальные надзиратели. Об одном из них мы и хотим рассказать.

Карп Леонтьевич Шерстобитов был солдатским сыном. А все они в первую половину XIX столетия «принадлежали» военному ведомству. По достижении определенного возраста мальчишек отрывали от семьи и отправляли в школы кантонистов, где обучали военным специальностям (аудитор, фельдшер, писарь, музыкант и т. д.). К.Л. Шерстобитов поступил на государеву службу таким вот «школьником» 14 ноября 1814 года в Лекарской госпиталь Новгородской Адмиралтейской казенной фабрики. Закончив там обучение, 1 мая 1817 года был произведен в младшие фельдшеры и определен в 26-й флотский экипаж Балтийского флота. Потом Шерстобитов служил в Кронштадте: с 8 февраля 1826 года по 11 февраля 1828 года в госпитале для малолетних юнг при канале Петра Великого, затем – в Морском учебном экипаже.

28 июня 1838 года за выслугу беспорочных 20 лет «унтерофицерствования» по Высочайшему повелению Шерстобитов был уволен со службы с награждением чином 14 класса (коллежский регистратор – самый низкий чин по Табели о рангах). Ему была пожалована пенсия – аж 6 рублей 45 копеек в год. На такие деньги обремененному семьей Карпу Леонтьевичу – женой Прасковьей Артамоновной (1801–1848), дочерью Натальей (родилась 30 декабря 1826 года) и сыном Павлом (дата рождения 26 января 1830 года)^[35] – было никак не прожить. Поэтому, отдохнув пару недель, 12 августа 1838 года, по протекции брандмайора О.С. Орловского, он устроился в Санкт-Петербургскую полицию младшим помощником квартального надзирателя^[36]. Служил там исправно, «не было примера, чтобы Шерстобитов не сумел дать обстоятельного отчета о ком-либо из домовладельцев или порядочных обывателей»^[37]. Поэтому быстро продвигался по службе: 10 марта 1840 года Карп Леонтьевич стал старшим помощником квартального надзирателя, а 28 апреля 1842 года получил под руководство квартал. Тут и обнаружили его скрытые таланты: «Шерстобитов вскоре заявил себя самым осторожным, искусным, находчивым, вкрадчивым и терпеливым сыщиком, а потому, кроме прямых обязанностей по участку⁸, на него возлагались особые поручения».

Дело № 5. Чухонский принц

Летом 1847 года к богатейшему петербургскому банкиру Александру Людвиговичу Штиглицу приехал порученец от принца Баттенбергского, прибывшего в Россию для участия в красносельских маневрах. Его высочество желал обналичить чеки и с этой целью приглашал банкира в гостиницу «Буржуа»^[38] (находилась в доме Маничаровых^[39] по адресу: Малая Морская улица, дом 21^[40], дом не сохранился), в которой остановился. Однако в номере гостиницы на Штиглица напали трое мужчин и принялись душить. Банкиру удалось вырваться и закричать. Его зов о помощи был услышан гостиничной прислугой, и грабители, испугавшись, отпустили жертву и скрылись другим ходом. Прибывший на происшествие пристав 1-й Адмиралтейской части полковник Василий Борисович Горбунов учинил опрос и выяснил, что номер сняли на сутки три чухонца, один из которых был рыжим. Брошенные ими вещи – старый чемодан с кирпичами внутри и стоптанные сапоги, по мнению пристава, помочь в их розысках

⁸ Автор ранее в тексте поясняет, что в описываемые им времена участок назывался кварталом.

не могли. И тогда обер-полицмейстер Александр Павлович Галахов велел позвать Шерстобитова.

Рис. 9. Обер-полицмейстер Санкт-Петербурга А.П. Галахов

Пока тот методично осматривал чемодан и каждый кирпич, лежавший в нём, Горбунов и его подчиненные добродушно подтрунивали над Карпом Леонтьевичем. Но когда он разрезал оба сапога от голенища до подошвы, принялись хохотать. Но не зря пословица уверяет, что «хорошо смеется только последний». Через три дня Карп Леонтьевич привел к Галахову арестованных им чухонцев. Как он их поймал? В нижней части сапога Карп Леонтьевич обнаружил полустертое клеймо сапожника. Разыскав мастера, в его старой книге заказов он отыскал фамилию клиента. Обратившись в адресный стол, Шерстобитов выяснил, что ныне владелец сапог проживает на Васильевском острове у одной немки, сдававшей углы постояльцам. Та сообщила сыщику, что от неё подозреваемый, проживавший с двумя друзьями-чухонцами,

уже съехал. Немка вспомнила, что к этим постояльцам часто захаживал их земляк, служивший провизором в аптеке у Калинкина моста. Шерстобитов помчался туда. В аптеке он наткнулся на рыжего мужчину. Схватив его за воротник, он строго спросил: «Где два твоих товарища?» Оторопевший чухонец сообщил, что те стоят на мосту. С помощью торговавших там калачников эти двое тоже были задержаны и тут же во всем сознались.

За поимку чухонцев квартальный надзиратель К.Л. Шерстобитов 3 ноября 1847 года приказом обер-полицмейстера был награжден годовым окладом в размере 342 рубля 85 копеек^[41]. Штиглиц от себя добавил тысячу^[42].

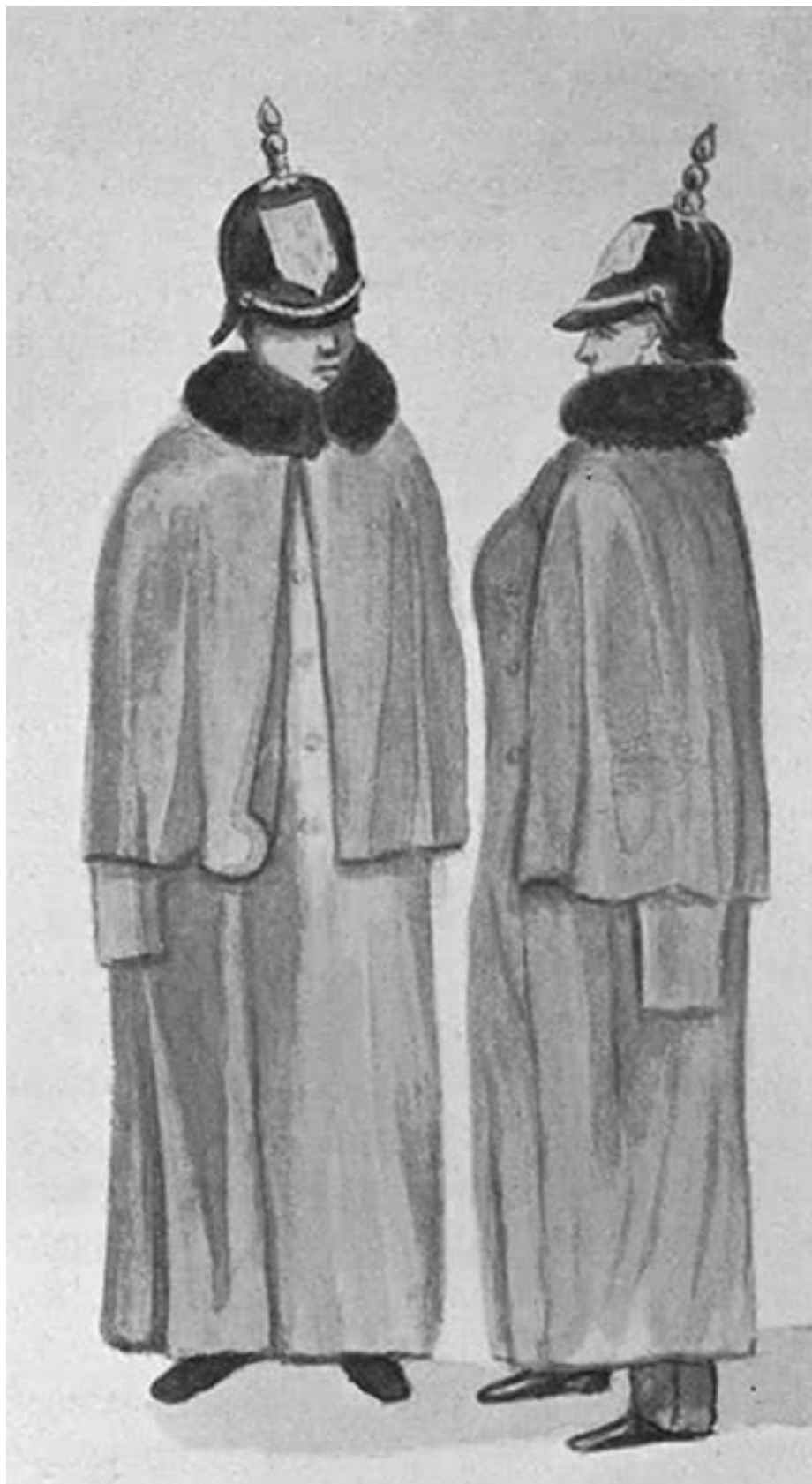

Рис. 10. Форма квартальных надзирателей в 1852 году

Дело № 6. Неутешный сын

1 января 1847 года в доме Дидло (дом сохранился в перестроенном виде, нынешний адрес: Невский проспект, дом 43 / ул. Рубинштейна, дом 1) были найдены мертвыми две проститутки, жившие без прислуги. Головы убитых были проломлены в нескольких местах тупым шарообразным предметом, имевшим диаметр около вершка (примерно 4,45 см). На полу Шерстобитов обнаружил кровавые следы, оставленные мужскими сапогами. Так как ни денег, ни ценных вещей в квартире он не нашел, а платья и тряпки были вынуты из комодов и раскиданы, сыщик сделал вывод, что убийство совершено с целью ограбления. Однако никаких зацепок, кроме следов сапог, у него не было. Подозрения пали сперва на дворника, потом на одного из клиентов убитых проституток. Обоих Карп Леонтьевич заставил пройти рядом с кровавым следом в сапогах, помеченных чернилами, но этот смелый для своего времени следственный эксперимент убийцу не открыл.

Рис. 11. Дом Дидло (крайний слева), фотография XIX века

Спустя семьдесят дней случилось новое происшествие – 11 марта 1847 года у ворот дома полковника Тишенинова (нынешний адрес: Стремянная улица, дом 10, дом постройки 1828 года был разобран в 2005 году) нашли в бессознательном состоянии проживавшего в этом доме писаря. И хотя голова его была проломлена, он был жив, и его сразу отвезли в больницу. Надзиратель Шерстобитов, осмотрев раны, пришел к выводу, что они нанесены тем же тупым шарообразным предметом, что и проституткам в доме Дидло. Но писарь пребывал в бессознательном состоянии и ничего про нападавшего сообщить не мог. Его жена (а поженились они буквально за несколько дней до покушения) показала сыщику письмо, полученное мужем утром, в котором того приглашали в полдень в одну из ресторанов возле Думы. Половые из этой ресторации, узнав писаря по описанию, назвали человека, с которым тот в полдень там

встречался – 19-летний Яковлев. По месту проживания его не обнаружили, у любовницы тоже не застали, зато в её квартире во время обыска нашли золотые серьги и колечко, украденные в доме Дидло.

Самого Яковлева схватили в лесу за Нарвской заставой. Он признался в убийстве проститутки и указал, где спрятаны остальные похищенные у них вещи. Про покушение на писаря он сообщил следующее:

«Зная, что он получил за женою порядочное приданое, заключавшееся... в золотых и серебряных вещах, я решил воспользоваться ими, рассчитывая в отсутствие хозяина убить его мать, жену и служанку, но чтобы успех задуманного предприятия был вернее, я намеревался убить сначала главу семейства, а потому... написал ему каракулями пригласительную записку, не подписав своего имени, чтобы со смертью его окончательно скрыть всякий след к преступлению»^[43].

Заманив после сытного завтрака жертву к себе домой, Яковлев успел нанести ему несколько ударов кистенем. Но тут неожиданно пришла служившая у него в доме кухарка. Важная подробность – она вернулась с похорон отца Яковлева. Однако сыну было некогда провожать родителя в последний путь, у него на этот день были иные планы – убить приятеля и всю его семью. Увидев раненого, кухарка, не разобрав, в чем дело, помогла Яковлеву вытащить полумертвого писаря на улицу и усадить на извозчика. Сбросив умирающего у его дома, Яковлев побрел куда глаза глядят, опасаясь возвращаться домой.

Из-за несовершеннолетнего возраста Яковлев подлежал не уголовному, а совестному суду, но за нанесение удара зрителю тюрьмы был заключен в крепость, где и умер. Писарь через несколько месяцев выздоровел.

Шерстобитов дослужился до коллежского асессора^[44]. Император Николай I трижды награждал его орденами. Вместе с орденом Станислава 3-й степени⁹ (за открытие убийц двух чухонки) Карп Леонтьевич получил право на потомственное дворянство^[45]. Четвертый орден – Станислава 2-й степени – был пожалован Шерстобитову уже Александром II за расследование убийства двух женщин, случившегося 5 февраля 1856 года в доме коллежского советника Геккера^[46].

Помощником квартального надзирателя 2-го квартала 3-й Адмиралтейской части Шерстобитова с 1855 года служил будущий начальник Петербургской сысской полиции Иван Дмитриевич Путилин^[47]. Вот как описывает его тогдашние обязанности современник:

«В числе помощников Шерстобитова считался И.Д. Путилин, который подсаживался в тюрьмах к преступникам как таковой же, выпытывал от них всё, что требовалось, уходил и затем открывал преступления»^[48]. Читатель, наверное, помнит, что и другой великий сыщик – Эжен Видок – тоже начинал свою карьеру «внутрикамерным» осведомителем.

Дело № 7. А.Ф. Кони «Сервиз посла»

О забавном приключении из их совместной с Шерстобитовым службы Иван Дмитриевич Путилин впоследствии рассказал знаменитому юристу А.Ф. Кони:

«Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов – человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается. Я же был

⁹ Высочайший приказ № 646 от 13 апреля 1845 г.

у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе, да и говорит:

“Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!” “Зачем, – говорю, – Сибирь?” – “А затем, – говорит, – что у французского посла, герцога Монтебелло, сервиз серебряный пропал, и государь император Николай Павлович приказал обер-полицмейстеру Галахову, чтобы был сервиз найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макар телят не гонял”. – “Что ж, – говорю, – Макаром загодя стращать, попробуем, может, и найдем”. Перебрали мы всех воров – нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели получше нашего. Говорят: “Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять – не крали этого сервиза!” Что ты будешь делать?”

Рис. 12. Анатолий Федорович Кони, фотография 70-х годов XIX века

Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервиз по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервиз был готов, его сейчас в пожарную команду, сервиз-то... чтобы его там губами ободрали: пусть имеет вид, как бы был в употреблении. Представили мы сервиз французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня Шерстобитов. “Ну, – говорит, – Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь всенепременно”. – “Как, – говорю, – за что?” – “А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и скверными словами

ругался. “Вы, – говорит, – с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите. Вчера на бале во дворце государь спрашивает Монтебелло: “Довольны ли вы моей полицией?” – “Очень, – отвечает, – ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная. Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камердинер мой сознался, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза”.

“Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!” – “Ну, – говорю, – зачем Сибирь, а только дело скверное”. Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку, да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливреи шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. “Ты, мил человек, когда именинник?” – “Через полгода”. – “А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощенье будет от нас?” Ну, известно, свои люди, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет, вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует.

Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал. В остроге сидел бессменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не тепереишим ворам чета был. Царство ему небесное! Пришел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних. “Это, – говорим, – зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?” – “Не утерпел”, – говорит... На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: “Помилуйте, ваше высокопревосходительство, никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно”. А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит, сервиз один, а прислуга вся с перепоя зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк”.

“Иван Дмитриевич, – сказал я, выслушав этот рассказ, – а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...” – “Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, – отвечал он. – Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора – царство ему небесное! – лет двадцать как в живых уж нет”^[49].

На 1 января 1858 года коллежский ассессор Шерстобитов ещё числился надзирателем 3-го квартала 3-й Адмиралтейской части^[50]. Однако 28 июля 1858 года приказом № 165 обер-полицмейстера Шувалова в этой должности был утвержден И.Д. Путилин. Карп Леонтьевич отслужил в полиции ещё год (в каком квартале неизвестно) и подал в отставку по болезни 6 октября 1859 года. Прошение было удовлетворено. Шерстобитову была назначена пенсия.

Скончался Карп Леонтьевич 15 марта 1866 года и был похоронен на Митрофаньевском кладбище рядом с супругой Прасковьей Артамоновной^[51]. А 31 декабря этого года была создана Сыскная полиция. Ученик Шерстобитова Иван Путилин был назначен её начальником.

На этом следовало бы закончить рассказ о Шерстобитове, если бы не три загадки...

Первая – та самая история с сервизом французского посла, которую записал со слов Путилина А.Ф. Кони. Роберт Очкур в книге «На секретной службе его величества. История сыскной полиции» (М.; СПб., 2019), проанализировав биографии обер-полицмейстера Галахова (1802–1863) и французского посла герцога де Монтебелло (1801–1874), пришел к выводу, что рассказ Путилина – сочиненная им от начала и до конца байка. Потому что Луи Наполеон Огюст Ланна, герцог Монтебелло, прибыл в Петербург только в 1858 году, когда Галахов был уже уволен с должности обер-полицмейстера (он покинул этот пост ещё в 1856 году). Возможно, что Р. Очкур прав. Однако (и читатель в этом скоро убедится) Путилин в своих записках часто путает даты, имена жертв и преступников, их возраст и обстоятельства дела. И запросто мог перепутать французского посла с австрийским или с испанским (посольства Франции во время их совместной с Шерстобитовым службы в Петербурге не было из-за Крымской войны).

Вторая – в своих записках Путилин посвятил немало добрых слов ещё одному своему наставнику в сыском деле Ф.Ф. Кельчевскому. Однако ни разу не упомянул К.Л. Шерстобитова. Почему? Какая кошка меж ними пробежала?

Третья. Историк В.Н. Никитин, известный исследователь тюремного быта царской России, в октябре 1863 года поступил на службу в канцелярию обер-полицмейстера. Вот фрагмент из его воспоминаний:

«В числе разных лиц часто являвшихся к правителю, особенно примелькнулся мне тучный, пожилой господин, одевавшийся в вице-мундир, во фрак, в сюртук, купцом и даже мужиком, а однажды он явился просто в отрепьях. Это меня понудило осведомиться, кто этот странный человек.

– Главный сыщик Шерстобитов, – ответил Левицкий. – Он надворный советник, в дружбе со всеми ворами, шулерами и мошенниками, которым в обыкновенных случаях потворствует, а за это они ему открывают в чрезвычайных случаях преступления и даже выдают преступников. Проще, когда от мазуриков страдают заурядные люди, полиция плюёт на них, а когда беда постигнет высоких лиц, им возвратят вещи, чтобы доказать бдительность полиции. Шерстобитов имеет несколько ловких помощников, которые при надобности ездят не только по России, но даже за границу по сыскной части.

И действительно я неоднократно потом писал секретные бумаги о командировках для открытия, например, поддельвателей серебряных монет, в Сергачский уезд Нижегородской губернии к раскольникам – чиновника Безносова, а бумажек¹⁰ – в Лондон офицера Юнге, причем они так успешно действовали, что оба сдружились с поддельвателями, в качестве услужливых людей привезли их в Петербург с товаром для сбыта, а здесь – предали их. За это обоих щедро наградили деньгами и орденами Владимира 4 степени»^[52].

В.Н. Никитин – мемуарист дотошный. И в отличие от И.Д. Путилина, обладал прекрасной памятью. Оснований не доверять ему нет. И значит, Шерстобитов в конце 1863 года снова «был в строю» и даже получил следующий чин – надворного советника. Где он служил?

¹⁰ Кредитных билетов.

В справочных книжках Петербургской полиции за этот период фамилии Шерстобитова нам найти не удалось. Выскажем предположение, что служил он в секретной части Министерства финансов – именно там занимались фальшивомонетчиками (а все дела, о которых упоминает Никитин, связаны с подделкой монет и казначейских билетов). В подтверждение этой версии, сообщим, что уже упомянутый Ф.Ф. Кельчевский в те же годы как раз перешёл из наружной полиции на службу в секретную часть Министерства финансов. Да и сам Карп Леонтьевич был в Минфине своим человеком – с 3 марта 1854 года по 29 апреля 1857 года с разрешения петербургского обер-полицмейстера он совмещал службу в наружной полиции с розысками контрабандистов в тамошней секретной экспедиции, за что получал ежегодное вознаграждение в размере 600 рублей серебром^[53].

Будь К.Л. Шерстобитов помоложе, с его талантом и авторитетом, первым начальником Сыскной стал бы не Путилин, а он. Однако судьба распорядилась иначе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века российской полиции: служение обществу – защита Отечеству! М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 30.

2.

Шалфеев Н.П. Об уставной книге разбойного приказа. СПб., 1868. С. 18.

3.

Из истории русской полиции // Вестн. полиции. 1909. № 4. С. 75. Подпись: Б.И.

4.

Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. С. 181–182.

5.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11. С. 372.

6.

Очкур Р.В., Кудрявцев Д.В., Пиотровский В.Ю. Полиция России, век XVIII – век XX. М.: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Астрель-СПб, 2010. С. 29.

7.

Линовский В.А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 21.

8.

История полиции дореволюционной России: (сб. документов и материалов по истории государства и права): учеб. пособие / Моск. высш. школа милиции. М., 1981. С. 19.

9.

Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 326–327.

10.

Там же. С. 53.

11.

Там же. С. 385.

12.

Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Указ. соч. С. 116.

13.

Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: крат. ист. очерк. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 62.

14.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. Док. 19671.

15.

Блинов И.А. Губернаторы: историко-юрид. очерк. СПб., 1905. С. 114.

16.

Там же.

17.

Высоцкий И.П. Указ. соч. С. 86.

18.

Халютин Л.А. Московский сыщик Яковлев: воспоминания // Современник. 1859. Т. 75, № 5. С. 79–94 (1-я паг.).

19.

Вострышев М.И. Московские обыватели. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 60.

20.

Халютин Л.А. Указ. соч.

21.

Вострышев М.И. Указ. соч.

22.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 750.

23.

Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М.: Высш. шк., 1993. С. 432.

24.

Клугер Д. Гении сыска: этюд в биогр. тонах. М.: Пятый Рим, 2019. С. 164.

25.

Вигель Ф.Ф. Записки: [полн. текст изд. 1891–1893 гг.: в 2 кн.]. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 889–900.

26.

Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 436.

27.

Там же.

28.

Там же. С. 441.

29.

Пушкин А.С. Выстрел // Собр. соч.: в 10 т. / А.С. Пушкин. М., 1975. Т. 5. С. 43.

30.

Борисов А.В. Министры внутренних дел России, 1802 – окт. 1917. СПб.: Фонд «Университет», 2002. С. 64.

31.

Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 451.

32.

Там же. С. 454.

33.

Там же. С. 458.

34.

Шаламов А.Ю. Российский «фараон»: сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М.: Principum, 2013. С. 30.

35.

РГИА. Ф. 1353. Оп. 51. Д. 463. Л. 658.

36.

Там же. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 4–5.

37.

Ломачевский А. Рассказы из прежней полицейской жизни в Петербурге // Рус. старина. 1874. Т. 10. С. 205.

38.

РГИА. Ф.1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 7.

39.

Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб., 1849. С. 111.

40.

Нистрем К.М. Адрес-календарь санктпетербургских жителей... СПб., 1844. Т. 1. С. 37.

41.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 7.

42.

Ломачевский А. Указ. соч. С. 204.

43.

Там же. С. 202.

44.

Высочайший приказ по гражданскому ведомству № 23 от 01.02.1856 г. со старшинством с 12 августа 1855 г. (РГИА. Ф.1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 10).

45.

РГИА. Ф. 1353. Оп. 51. Д. 463. Л. 658.

46.

Там же. Ф.1286. Оп. 21. Д. 345. Л. 9–10.

47.

Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества: история сыскальной полиции. М.: РИПОЛ классик; СПб.: Пальмира, 2019. С. 19–20.

48.

Никитин В.Н. Воспоминания // Рус. старина. 1906. Т. 127, октябрь. С. 68–69.

49.

Кони А.Ф. Иван Дмитриевич Путилин // Собр. соч.: в 8 т. / А.Ф. Кони. М., 1966. Т. 1. С. 96–99.

50.

Адрес-календарь. Ч. 1–2: Общая роспись всех чиновных особ в государстве, на 1858–1859 г. СПб., 1859. Ч. 2. С. 162.

51.

Петербургский некрополь: в 4 т. / [сост. В.И. Сайтов]. СПб., 1913. Т. 4. С. 535.

52.

Никитин В.Н. Указ. соч.

53.

РГИА. Ф. 560. Оп. 33. Д. 6.